

## ПУБЛИКАЦИИ

### С.П. Шевырёв ФОН-ВИЗИН. СОЧИНЕНИЕ КНЯЗЯ ПЕТРА ВЯЗЕМСКОГО

В то время как журнальная литература наша, суетно взявшая на себя едва ли данное ей право быть представительницею молодых поколений, разрывает связи настоящего с прошедшим и празднует шабаш замечательных личностей во имя какого-то отвлеченного понятия всей литературы, – старейшие представители нашей славной, нашей истинной словесности, которая не пройдет, подобно эфемерным листам журналов, напоминают нам о себе произведениями, достойными их имени и славы нашего отечества на поприще мысли и слова. Нетерпеливо ждем мы, когда явится у нас Одиссея в мраморных стихах Жуковского. Младший сверстник и друг его, Князь Вяземский, дарит нам в биографии Фон-Визина живую картину умственной стороны Екатеринина века, опыт в литературе Русской еще не бывалый, плод мысли не отвлеченной, а зрелой и опытной, воспитанной трудом жизни, наблюдением внимательным, добросовестными изысканиями, многостороннею начитанностью.

Автор показал младшим поколениям пример скромности, редкой в наше время. Осмнадцать лет пролежала эта рукопись в портфеле Автора. Мы знали ее только по некоторым отрывкам, напечатанным в Утренней Заре, и ожидали с нетерпением вполне. Но осмнадцатилетний искус недаром прошел для этого сочинения: он послужил к тому, чтобы более обнаружить внутреннюю ценность его и достоинство. Книга не потеряла в свежести мысли и слова. Есть, конечно, такие оттенки, которые носят на себе краски

впечатлений, окружавших в то время Автора. Может быть, иное выразилось бы теперь иначе, нежели тогда. Но все это не относится к существенным качествам произведения, которые независимы от таких преходящих отношений. Скажу даже, что в некоторых отзывах Автора о настоящем, окружавшем его в то время, когда он писал, живет та же правда, которая идет и к нашему времени: доказательство неутешительное в пользу той печальной истины, что мы в литературе совсем не так движемся вперед, как воображаем, или лучше как твердят о том двигатели наших литературных паровозов-журналов, на которые много выходит дров, воды и пару, но едва ли столько же мыслей и дела. Грустно читать в предисловии Автора этот справедливый упрек журнальным критикам, грустно тем более, что он совершенно заслужен некоторыми Петербургскими журналистами с самого 1834 года. «Знаю, – говорит Автор, – что объявляя о возрасте книги моей, подвергаю ее предварительному подозрению и осуждению некоторых критиков. Они решили, что книги старого поколения никуда не годятся, и что в последнее пятнадцатилетие Литература наша так далеко ушла, что все прежнее должно быть предано забвению или равнодушно принято к сведению. Но опасение с этой стороны на меня несколько не действует. Мне никак не верится, что последний период литературной деятельности Карамзина и Пушкина должен быть признан за младенчество, а нынешний за период возмужалости и совершенолетия литературы нашей. Каюсь в неверии своем...». Мы совершенно разделяем неверие Автора в этом отношении, сожалеем о грустной правде, которая лежит в глубине его упрека, сожалеем о литературе, которая вызвала одного из старейшин наших сказать ей это горькое слово, обидное своею правдою, и в заключение можем указать на книгу князя Вяземского, которая своими 18-ю годами достойно уличает пятнадцатилетнее самонадеянство Петербургских журналов, хотевших разорвать навсегда связи со всею нашею литературою и начать с самих себя ее существование.

В истории Русской Словесности есть черта особенная, приносящая честь нравственному характеру наших славнейших писателей: это память благоговейного предания и уважения, которая преемственно переходит от одного к другому и всегда постоянно хранится, несмотря на движение мыслей, на изменение потребно-

стей времени, форм словесных произведений и языка. Ломоносов выразил уважение свое ко всем писателям древней Руси, указав на пользу *книг церковных в Российском языке*, и тем связал древнее с новым. Мы знаем благоговение его к Дмитрию Ростовскому. Державин славил Ломоносова. Взгляд на сего последнего и краткий разговор с ним подействовали на Фон-Визина. Карамзин воспел Барда Невы, Державина, стихами; его кольнуло в сердце, когда он услыхал о смерти певца Фелицы. Постоянная, неразрывная, чистая дружба между земляками, Карамзиным и Дмитриевым, почти с самого детства, есть достопамятная черта в биографической Истории Русской литературы. Крылов признательно помнил, что Дмитриев вызвал его на поприще баснописца, готовя в нем себе опасного соперника. Батюшков, первый, почувствовал необходимость воссоздавать характеры наших славных писателей в двух своих опытах о Ломоносове и Кантемире; в послании к Ж. и В. он изобразил беседу свою с лучшими нашими поэтами; Карамзину высказал он, что умел чувствовать его гений. Жуковский в своем послании к Дмитриеву выразил благодарность ему, как своему предшественнику и учителю, и благоговение к памяти Карамзина:

О как при нем все сердце разгоралось!  
Как он для нас всю землю украшал!  
В младенческой душе его, казалось,  
Небесный ангел обитал!  
Лежит венец на мраморе могилы;  
Ей молится России верный сын;  
И будит в нем для дел прекрасных силы  
Святое имя: Карамзин.

Пушкин в послании к Жуковскому, как к непосредственному своему учителю, словом благодарности помянул всех тех, которые воспитали его музу и вызвали ее к деятельности. Ломоносов у него – веселье Россиян, полуночное диво! В частных беседах выражался он так об Ломоносове, что говорить об нем надо Русскому человеку, снимая шляпу. Сердце его забилось и отреческий голос зазвенел, когда в лицее, перед семидесятилетним Державиным, он читал эти стихи:

Державин и Петров героям песнь бряцали  
Струнами громозвучных лир.

Признательно вспоминал он, как старик Державин, сходя в гроб, благословил его. Памяти Карамзина посвятил он с благоговением и благодарностию труд, гением его вдохновенный, лучшее свое произведение: Бориса Годунова.

Так все даровитое в нашей литературе связано памятью взаимного уважения и преданности; все то, что истинно двигало мысль и слово наше вперед, соединено было любовным, искренним союзом. Вражда и зависть шипели на наши лучшие таланты из низших слоев нашей литературы, где отсутствовал гений, где истинное движение вперед заменялось суетливою деятельностью, где двигателем была не благородная мысль, а раздраженное самолюбие писателей. Журнальная литература последнего четырнадцатилетия, начиная с Библиотеки для чтения, хотела разорвать эти связи уважения с прошедшим, потому что она ничего общего с ним не имела. Ему обязана была она своим внешним существованием; им выработаны были формы языка и переданы в общее владение; но и тут она покушалась объявить правá свои и простирала притязания даже на преобразование литературного языка.

Книга, которая теперь перед нами, если взглянуть на нее с нравственной стороны, представляет также дань признательного уважения, которую приносит один из старейших представителей нашей словесности ее славному прошедшему. Здесь эта дань нашла выражение уже не в восторженном стихе, не в порыве благородного чувства, не в скромном посвящении, а в ясном разумном сознании, в труде аналитическом и отчетливом, который, обнимая Фон-Визина, объемлет собою почти весь первоначальный период нашей литературы в ново-европейских формах, вплоть до Дмитриева и Карамзина.

В Карамзинском периоде Князь Вяземский занимает место дружелюбного посредника между четырьмя или пятью поколениями. Родственные и дружеские отношения связывали его с Карамзиным. По Карамзину он был близок и к Дмитриеву. Недаром судьба ему присудила быть дружкой у Крылова на его золотой свадьбе с музою и славить этот достопамятный пир от имени всей Русской Словесности. В предприятии соорудить памятник Крылову

участвовало его теплое слово. Сам он младший сверстник того поколения, во главе которого стойт Жуковский. Пушкин питал к нему постоянное чувство дружбы. Сверстники Пушкина, Баратынский, Дельвиг и другие, были с ним также в самых близких сношениях. Через это поколение Кн. Вяземский протягивал всегда дружелюбную руку и тому, которое следовало за ним. Он готов протянуть ее и всем поколениям во имя благородного звания литератора, которым сам всегда гордился и которое умел ценить в себе и в других, выше иных случайных титлов. Житейская, любезная общительность – яркая черта в характере сего писателя, – и пребывание его то в Москве, то в Петербурге, много содействовали к тому, чтобы утвердить за ним это место посредника между поколениями писателей.

По образованию своему, Князь Вяземский относится у нас к тому времени, когда литература наша от так называемого классического направления переходила к романтическому. Литературное его воспитание совершилось еще под влиянием французского классицизма, но без его односторонности, взятого в самом лучшем его виде. Природное остроумие писателя сошлося с легкою игриностью французского ума. Отсюда же занял он и свой живой взгляд на литературу, как на выражение общественной жизни, этот взгляд, которому Французы обязаны таким множеством прекрасных исторических сочинений по этой части и который так ярко отразился на книге Кн. Вяземского. Вериги классицизма французского никогда не имели влияния на его музу. Своими тайными сочувствиями, тем воспитанием, котороедается нам не случайностью окружающих нас обстоятельств, а принадлежит собственно нам и потому может быть названо самовоспитанием, К. Вяземский принадлежал романтической школе.

Остроумные эпиграммы и сатиры Французского классицизма он употреблял на тех, которые противились живому, тогда еще новому стремлению друзей его. То, что его самого внутренне влекло к этой школе, заключалось в его теплом, глубоком чувстве, которое всегда таилось в глубине души его и согревало не одни дружеские его послания, но даже вспыхивало из-под самых его эпиграмм. Это чувство сильнее всего сказалось в последних произведениях его музы. Когда судьба мало-помалу отнимает у человека преходящие дары жизни, тогда остается у него неотъемлемым

сокровищем то, что́ всего глубже зарыто в душе его. Смех и улыбка могут изменить нам, но никогда не изменят внутренние слезы, если душа была способна проливать их.

Одна светлая черта не должна быть пропущена в характеристике кн. Вяземского: его сочувствие к Русской литературе как выразительнице мысли общественной, и его высокое мнение о звании Русского писателя. Эту черту, конечно, разделяет он со всеми нашими даровитыми деятелями в слове; но немногие так сильно, так убедительно, так постоянно действовали в этом смысле. Иные, может быть, до того простирали свое высокое мнение о звании литератора, что, привязывая его к своей особе как бы родословный титул, считали за нужное поддерживать в литературе важность своей аристократической осанки и более заботились о том, чтобы в своей личности оградить неприкосновенность литературного сана, нежели сколько об истинных пользах словесности. К. Вяземский никогда не доходил до этой себялюбивой крайности. Он действовал в журналах неутомимо. Он не щадил себя для Русской Словесности. Он смело вызывал против себя вражду той посредственности, которая вредила достоинству литературы. Он старался о том, чтобы образовалось у нас литературное мнение; он приносил для того жертвы – и это стремление его останется за ним, как добрый подвиг его литературной деятельности.

Такие черты физиognomии писателя, книгу которого мы взялись разбирать, весьма счастливо соединились вместе для того, чтобы образовать в нем искусного биографа наших славных писателей. Его срединное положение в Карамзинском периоде, его место между классическою и романтическою школою, его классически-французское литературное воспитание в том, что́ имело оно лучшего, его романтические сочувствия, его теплое Русское чувство, его пламенное верование в литературу и в высокое звание писателя – все это объясняет нам возможность такого прекрасного труда, как его труд над Фон-Визиным, и совершенно оправдывает нас, почему мы, принимаясь говорить о его книге, сочли за нужное предпослать разбору эти общие черты физиognомии писателя.

Хотя К. Вяземский уже подарил нас прежде биографиями Озерова и Дмитриева, – однако ни на каком из писателей не остановился он с такою любовью, с таким глубоким вниманием исследователя, как на Фон-Визине. Какая бы причина такому явлению?

Нет ли соответствия между героем биографии и ее Автором? Едва ли. Мы не думаем, чтобы в Фон-Визине преобладало чувство, как в поэтических произведениях его биографа. Это был скорее воплощенный рассудок, с его единствено-возможной фантазией в искусстве – неистощимым резким остроумием, и с неизбежною при нем спутницею, односторонностью. Фон-Визин, конечно, имел и чувство, как имеет его всякой даровитый писатель, но оно в нем вошло совершенно внутрь и дало полное господство рассудку. Наружу выходило оно только в чувстве религиозном и еще более в чувстве патриотическом, которое особенно одушевляет его заграничную переписку, но и тут впадая в исключительность. Нет, не столько симпатия между комиком и его биографом была причиной того, что К. Вяземский взялся за Фон-Визина с такою любовию. Скорее причина эта заключается в самом содержании биографии Фон-Визина, в ее богатом разнообразии, в двоякой сфере его деятельности: государственной и литературной, наконец в самом веке, где уже Русская словесность пришла в ближайшее со-прикосновение с общественною жизнью и где удобнее всего казалось Автору на живом примере оправдать ту мысль, с которой начинает он свою книгу и в которой выразилось его любимое воззрение: «История литературы народа должна быть вместе историей и его общежития».

Краткий предварительный очерк общего содержания биографии сейчас же убедит нас в этом.

Выразив свой взгляд на литературу вообще и показав несопротивляемость между силами Русского народа и произведениями Русской Словесности, историк начинает изображением того лирического преддверия, где стоят наши певцы-богатыри, певцы силы военной, вешатели побед и славы, Ломоносов, Петров и Державин. Тут же, после этого вступления, Автор раскрывает перед нами громкое, великолепное, восторженное царствование Екатерины, душа которой вмешала все отрасли человеческого славолюбия. Это век героической; действующие лица его живые выходцы из Илиады. Гордое, увенчанное лаврами побед, самостоятельное в политике царствование склоняется только перед скептическими западной мысли и ищет союза с ними. Вольтер, уже в царствование Елизаветы, союзник на жалованье у нашего Двора. Шувалов играет роль посредника между нами и Европейскою литературою.

Разные средства употребляем мы для того, чтобы Европа замолвила об нас хорошее слово. Агент Шувалова, Салтыков, хлопочет о том, чтобы Вольтер взялся за Историю Петра Великого. Дидерот гостит у нас. Вслед за ним являются и другие, не столько довольные нами, как например Альфиери.

В это самое время, когда Россия так жаждет заграничной славы, – является Фон-Визин с своим комическим дарованием при дворе той Императрицы, которая любила ум не только за границею, но и у себя дома. Двор и за ним весь Петербург хохотали над Бригадиром и Недорослем. Столица смеялась над нравами провинции, которая сама не знала о том, что подавала повод к смеху.

Род Фон-Визинных происходит из Ливонии. Пленный рыцарь меченосец при Иоанне Грозном был предком писателя. Сын его при Царе Михаиле Феодоровиче уже стоял за Русь и Веру, а внук при Царе Алексее Михайловиче принял Православие. Биограф следит Фон-Визина в его детстве, учении, вступлении в свет по его собственной автобиографии, по той драгоценной Исповеди, которую он, к сожалению, не докончил. Но все события, приводимые Автором, передуманы, оживлены его собственною мыслию, его особенным взглядом. Так продолжает он до замечательной беседы Фон-Визина с Тепловым, которою заключаются его Записки. Взгляд на писателя в отношении к его языку, особенно в переводах его, заключает эту часть.

Но вот из сферы литературной он перенесен на служебное поприще. Государственная служба всегда требовала у нас дарований литературных. Фон-Визин служит при графе Н.И. Панине. Он ведет деятельность переписку с Бибиковым, начальником войск наших в Польше, с Сальдерном, Бароном Стакельбергом, министрами в Варшаве, с Мусиным-Пушкиным, послом в Лондоне, с Зиновьевым в Мадриде, с графом Остерманом в Стокгольме, с Обрековым в Царыграде, с Булгаковым, Марковым, княгиней Дашковой и другими. Письма этих лиц к Фон-Визину обнаруживают уважение, каким он пользовался. Письма Фон-Визина к брату ministra, графу П.И. Панину, исполнены исторического интереса. Мы видим из них, как решается судьба Польши.

Гнев Потемкина на Фон-Визина был одною из причин того, что он оставил службу и поехал за границу. Фон-Визин в Париже, в беседе ученых и литераторов. Фон-Визин в Италии. Фон-Визин

больной в Карлсбаде и в Бальдоне. Троекратное пребывание его за границею изображено подробно и оживлено выписками из его дневника и писем. Здесь разумное и спокойное беспристрастие биографа выразилось во всей его силе. Он произвел суд между Фон-Визиным и французскими литераторами, ему современными. Он подверг исследованию его обвинения против Дiderота и Даламберта. Он сличил его показания с свидетельствами других современников – и тяжбу решил против Фон-Визина. Эта глава есть одна из лучших глав во всей биографии.

За тем Фон-Визин разбирается как комик. Но чтобы точнее и вернее определить здесь его достоинство, Автор предпосыпает обзор того, что сделано было в нашей комедии до его времени. За тем Бригадир и Недоросль подвергнуты разбору в окружении всех произведений нашей Талии, за исключением комедий Гоголя, которые тогда еще не существовали, когда написана биография.

От комика мы возвращаемся снова к человеку. Биограф вводит нас в его семейную жизнь, в его родственные и дружеские связи. Письма Фон-Визина открывают нам те черты, которые приятно следить в писателе, потому что человек для нас и в нем всего ближе, всего живее и дороже. Мы видим Фон-Визина в обществе писателей, в доме Мятлевой. Мы слышим его остроты, которыми он то задевает Княжнина, то побеждает своих противников; мы представляем себе, как он голосом, жестами и мыслями передраживает Сумарокова. Мы видим Фон-Визина участником в Собеседнике, этом Саардаме Екатерины, которая была законодателем и журналистом; мы видим, как автор Недоросля играет с Императорицею в вопросы и ответы. Мы видим, наконец, как он, разбитый параличом, сидит в Московской Университетской церкви и указывает на себя юношеству, как на жалкой пример вольнодумства.

В заключительной главе помещен отрывок из Записок И.И. Дмитриева, где передано нам известие о предсмертном вечере, который Фон-Визин провел у Державина: тут в первый раз увидел его и Дмитриев. Тело его представляло уже одну развалину, но игривый ум бодрствовал, и искры комического дарования ярко сверкали в беглом разговоре.

1-е Декабря, день кончины Фон-Визина и день рождения Карамзина, подает повод к сближению этих писателей, но не случайному, а основанному на том, что один в письмах своих начал

бессознательно тот переворот нашей прозы, который совершен был Карамзиным с полным художественным сознанием своего дела.

Слово биографа, перед окончанием книги, загорается чувством справедливого негодования против тех литературных скороходов, которые бегут напоказ перед толпою за временем, кружась на одном и том же месте. Мы выпишем эти живые страницы, содержанию которых вполне сочувствуем.

«При этом нельзя не заметить, что эти скороходы в мишурном наряде и в разноцветных перьях на голове, которые, стоя на запятах, более всех кричат о успехах времени, более всех суетятся и вертятся на посылках у него, то за тем требованием, то за другим, сами ни единою мыслью, ни единственным шагом не подвигают вперед правильного хода его. Настоящие просветители и двигатели не выдают себя за высокочек, не оглашают воздуха пустыми восклицаниями, а в тишине труда, в ясном спокойствии зиждительной силы действуют и творят. Избави их, Боже, от отказываться от прошедшего, отрекаться от преданий, от наследства, завещанного им предшественниками. Напротив, в них видят они пособия для нынешнего дня, на них основывают надежды и завтрашнего. Ежеминутно провозглашать, что время идет вперед, что ум человеческий подвигается с ним, значит провозглашать с ребяческою важностью или пошлую истину, или нелепость: нелепость, если придавать сей истине исключительное значение, значение, разрывающее всякую связь с предыдущим. Разумеется, время идет, но если оно идет ныне, то оно шло и прежде. Или предполагать, что оно получило способность ходить только с той поры, как вы стали на ноги? Идет оно, может быть, с каждым днем, с каждым веком спорее и успешнее, не спорю, но именно от того, что оно заимствует себе вспомогательные, переносные силы от прошедшего, которое сводится и сосредоточивается в нем. Отнимите эти наследственные силы, разорвите цепь последствий и преданий, и время, или успехи его, т.е. время в духовном значении своем, закоснеет и придет в совершенный застой. Только у необразованных, диких народов нет прошедшего. Для них век мой, день мой. Ниспровергая, ломая все прошедшее на своз, как уже отжившее и ненужное, вы сами, не догадываясь о том, обращаетесь к первобытной дикости. Вы хотите выдавать себя за передовую дружины умственного движения, а на деле вы отсталые. Вы настоящие гасители, ибо поку-

шаетесь потушить неугасимый свет, разлившийся искони и постепенно разливающийся из одного нетленного и все более и более питаемого светильника. Не только в области наук и искусства, но и в самой политике, только те перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы. Главное условие прочности их есть то, чтобы они развивались из недр прошедшего, из святыни народной, из хранилища истории и опыта. Не говорят вам: сидите на месте, но говорят: не пускайтесь в путь без запасов, не соображаясь с путем, который перешли до вас трудолюбивые и усердные подвижники. Разумеется, время идет, разумеется, просвещение прорывается нетерпеливо все вперед и вперед: но из того не следует, что необходимо каждые десять лет выбрасывать все старое и дочиста заводиться новыми понятиями, новым языком, новыми великими людьми, как прихотливый и расточительный хозяин заводится в доме своем новою мебелью, утварью и посудою. Если послушать наших скороспелок, то не только у нас, но и у других все прежнее никуда не годится, особенно в литературе...

Нет, никакое поколение не есть подкидыши, или случайный выскочка на распутии человеческого рода. Как ни значительны, как ни велики деяния которого-нибудь из них, как с первого впечатления не ослепляй оне своею изумительною нечаянностью, но опытный и зоркий взгляд отыщет в них неприметную для толпы связь, соответствие, родство с предыдущими. Каждое поколение, каждый век есть сын и внук своих предшественников. Святая заповедь: «чи отца и мать, и будешь долголетен на земле», может применяема быть и к народам, и к представителям их на разных поприщах гражданственности и просвещения. Горе народу, не почитающему старины своей! Горе поколению, отвергающему заветы родоначальника своего! Горе писателям, которые самонадеянно предают забвению и поруганию дела доблестных отцов! Ни тем, ни другим не бывать долголетними на земле».

Заключив общий очерк биографии, мы перейдем теперь к некоторым подробностям, наиболее замечательным.

\* \* \*

В сочинении Князя Вяземского рассеяно множество отдельных мыслей, которые все связаны в единстве воззрения Автора на

предмет и которые так замечательны, что нельзя не остановить на них внимания.

Мы совершенно согласны с Автором в том, что «История литературы народа должна быть вместе историою и его общежития». Но не можем не прибавить к тому, что эта сторона не исчерпывает вполне всего содержания литературы в историческом ее развитии. Есть в ней такой деятель, который действует независимо от общественного развития: этот деятель скрыт в глубине души самого человека, и в каждом писателе, особенно художнике, есть его личность, с одной стороны определяемая условиями общества, но с другой определяющая и сама его развитие. Французы более смотрят на литературу с той стороны, как она отражает в себе развитие общественное. Немцы, напротив, видят в ней более жизнь индивидуальную, проявление личностей отдельных, и ограничиваются эстетическим воззрением, которое отсюда и определяется. И то, и другое воззрение имеет свою необходимую и прекрасную сторону, но и то и другое неполно и односторонне. Желательно бы было, чтобы у нас в России они помирились и восполнили друг друга.

Но вот мысль, на которой нельзя не остановиться мыслию и ей вполне не сочувствовать. Русская литература, по мнению Автора, «не есть жизнь народа нашего, а разве одна из блестательных отраслей общежития его: она не народный дар слова, не народный глагол, а одно изящное выражение народа, как музыка или живопись».

«Нет сомнения, – продолжает Автор, – Русское общество еще вполне не выразилось литературою. Русский народ сильнее, плечистее, громогласнее своей литературы. В сравнении с ним она несколько щедушна. Место, занимаемое им в литературном мире, не соответствует тому, коим завладел он в мире политическом... Одно книжное знакомство с ним увлекло бы вас к заключению, что нет общества, а есть только народонаселение». Эта мысль тем особенно замечательна, что она выражена 20 лет тому назад и выражена Автором, который сохранил самые живые и почтительные сочувствия ко всему прошедшему нашей литературы. Здесь, при рассматривании подробностей ее выражения, могут остановить читателя слова, мною подчеркнутые: народ и общество. В каком отношении они находятся между собою и к литературе? Элементы

народной жизни живут в народе бессознательно: для того чтобы отразиться в литературе, они, вследствие условий Европейского развития, должны пройти через общество, определить его. А что такое общество? Разве оно отделено от народа? Под именем общества мы понимаем ту часть народа, которой жизнь совершается при свете разумного сознания. Общество, находящееся в нормальном отношении к народу, должно так сказать олицетворять в себе народное самопознание. Элементы народной жизни здесь должны проникать в разум, в чувство, в воображение, волю, в слово тех лиц, которые выражают в среде своей общественную жизнь своего народа и, связывая народ в одно разумное, сознающее себя целое, соединяют таким действием и народ с остальным человечеством.

В древней Руси общество, выражавшее разумное сознание народа в деле Веры, имело более духовный характер: потому и литература древняя была духовная. В новой Руси общество, разумно сознающее жизнь народа, приняло светской характер: потому и литература явилась светскою. Но отчего же между Русским обществом и Русским народом замечает Автор такую несоразмерность? Отчего кажется ему Русский народ сильнее, плечистее, громогласнее своей литературы, которая должна же быть выражением общества? Жаль, что Автор, предложив себе такую свежую и глубокую мысль, не задал вслед за нею такого вопроса. Не потому ли, что жизнь Русского общества определялась в новом периоде не столько основными элементами народной жизни, сколько элементами чуждыми? Не потому ли, что общество Русское нового периода образовалось вследствие наружного подражания формам общества Европейского? Как элементы, в него вошедшие, ни были прекрасны, но они оставались чужды основам народной жизни, а потому и не могли заключать в себе никакой силы живой, органической.

Писатели наши как будто чувствовали неловкость своего положения в отношении к обществу, завоеванному в плен чужой. У них было чутье, которое сближало их с народом и удаляло от общества, когда они не могли сочувствовать сему последнему, вследствие данных народной жизни. Биограф Фон-Визина представляет нам факт весьма замечательный в подтверждение этому. Он говорит: «Представители нашей литературы не были участниками в деле, которое, казалось, могло быть ближе к ним, нежели к

тем, которые действовали», – (т.е. в деле сближения нашего общества с литераторами запада). «Литература и литераторы наши остались в стороне. Один деятельный Сумароков умел как-то выманить письма Вольтера и заставить его заочно и на слово похвалить его трагедии. Даже в то время, когда один из полномочных посланников энциклопедического двора, Дiderot, приезжал в Россию, не последовало никакого сближения между им и нашими авторами. По крайней мере, не отыскиваем ни одного следа тому ни в сочинениях Дiderота, ни в сочинениях соотечественников наших. То же можно заметить и относительно к пребываниям Альфиери, Бернарден-де-Сен-Пьера и других известных писателей, посещавших Россию в то время. Все это подтверждает доказательство, что между литературою нашею и нашим обществом не было ничего взаимного». Но писатели наши, более сочувствовавшие народу, нежели обществу, сознавали, что сближение их с Дiderотами и другими поставило бы их в совершенное противоречие с основными началами народной жизни, – и с этой точки зрения они могут быть совершенно оправданы в своем отчуждении от западных писателей.

Да, нет еще у нас такого общества, которое определило бы условия своей жизни элементами жизни народной и претворило бы через них все чуждое в свою живую органическую собственность, а потому и скажем словами Автора: «Нет у нас доныне литературы истинной, полной, коренной; литературы, которая была бы живою отраслью государственного благоденствия и непосредственным существованием людей, служащих отечеству трудами ума своего, как воин служит ему на поле браны, судия в храминах закона, торговец на поприще промышленности»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> В Отеч. Зап. (№ 6) возражали Автору касательно отношения между литературою и обществом. Мы приводим это возражение, чтобы показать, как О.З. возражают на чужие мысли, исказив их, и сами потом скажут ту же мысль разбираемого автора, но своими словами, только хуже. Кн. Вяземский говорит: «Русское общество еще *вполне* не выразилось литературою». Слова О.З.: «Принимая за исходный пункт, что литература должна быть выражением общества, он (Кн. Вяземский) утверждает, что у нас нет такой литературы, потому что Русское общество не выражено еще литературою». Далее: «Рассматривая Русскую литературу с той точки, которую положил в основание (!) Князь Вяземский, по нашему мнению, нельзя сказать, чтоб Русская литература вовсе не выражала Русского общества». – Да где ж это говорит Кн. Вяземский? У него Р. общество еще

«Воинственная слава, – говорит Автор, – была лучшим достоянием Русского народа... Торжественные оды были плодами сего воинственного вдохновения. Лирика Ломоносова была отголоском Полтавских пушек... Ломоносов, Петров, Державин были бардами народа, почти всегда стоявшего под ружьем, – народа, праздновавшего победы, или готовившегося к новым. «Тебе Бога хвалим!» – была тема их воинственных песнопений.

Источником вдохновения для наших первых лирических поэтов служили не одни государственные наши победы. Был другой источник, высший для нашей лирики, о котором Автор не упоминает. Этот источник связывает Россию древнюю с Россиею новою. Из него истекли преложения из Иова и Псалмов и два размышления о Божием величестве Ломоносова; отсюда ода Бог, Бессмертие, Властителям и судиям, и другие духовные оды Державина. В самых торжественных, победных одах мысль веры смиряет несколько наше славолюбие – и хвалебные наши песнопения тем отличаются от языческих.

«Комедии Фон-Визина, – говорит Автор, – не картина нравов, господствовавших в обществе, ему предстоящем; он жил в столице, а описывал провинцию... Комедии Фон-Визина были чи-

---

вполне не выражалось литературою; у О.З. вовсе не выражалось. Но сами О.З. как об этом думают? – «Литература наша хотя в малой мере, но была выражением общества». Да разве это не то же самое, что у Кн. Вяземского: не вполне или в малой мере?

Вот еще образчик и логики и добросовестности, с какими поступают безымянные критики О.З. Такие обличения можно бы делать на каждом их шагу, но жалко тратить на то время. Ну вот мы и обличили неизвестного критика в неправде. А кто он? кто за него покраснеет? Редактор О.З., но он уж, кажется, до того привык краснеть за своих критиков, что эта привычка могла в нем перейти и в отвычку. А если случится умереть кому из его критиков, то он еще, пожалуй, с тоном официального журнального прискорбия скажет о покойном критике своего журнала: «Очень нередко заблуждался он в своих литературных мнениях; заблуждения его происходили иногда, может быть, от недостатка знания...». Да вы-то, Г. Редактор, зачем пользовались его заблуждениями и зачем так усердно предавали их тиснению? – чтобы заблуждениями вашего сотрудника, которого мнения и труды придавали жизнь вашему изданию, вводить в заблуждение ваших читателей? – а когда его не стало, когда некому уж его оправдывать, вы же первые объявляете вашим читателям в его Некрологе о его заблуждениях? Грустны такие явления в нашей литературе: их не было в той, которую вы же неутомимо всегда поносили. С. III.

таны и играны в Петербурге и в Москве... Вероятно, были недоросли и бригадиры и в числе зрителей комических картин Фон-Визина; но комик колол не их глаза. Смех их был от того свободнее, но менее было и пользы». Отчего же было менее пользы? Стало быть, последовало уже раздвоение между высшим обществом столиц и низшим обществом провинции. А разве все это не одна и та же Россия? Мы не думаем однако, чтобы менее было пользы. Высшее общество, забавляясь в комедиях пороками, невежеством и злоупотреблениями низшего, внутренно сознает, что оно не менее, если не более низшего в них виновно, потому что представляет собою высшее разумное сознание народа и, возвращаясь от комического смеха, предложенного ему поэтом, к спокойному размышлению над тем содержанием жизни, которое давало повод к этому смеху, уже важнее смотрит на эту жизнь и на ее недостатки. Конечно, трудно комику достичь до того, чтобы общество прежде обвинило себя, но все зависит от его уменья и благородства. Мы думаем, что Бригадиры, Недоросли, Ревизоры, Мертвые души, надлежащим образом понятые, могли быть полезны и не тому кругу, против которого они направлены. Если мы все вместе, составляя одно отечество, одну Россию, будем уверены в том, что мы соединены узами общественными для того, чтобы нравственно совершенствовать самих себя и друг друга: – без чего и не можем никак достигнуть благосостояния, которое может быть человеку и народу только наградою за то, что он стремился к нравственному совершенству, – тогда пороки и недостатки меньших наших братьев, выставляемые нам комедией наша и вообще литературою, послужат прежде всего для нас самих уроком нравственного усовершенствования, а чрез нас и для них.

Не можем не выписать одного из превосходных наблюдений Автора над современною литературою в отношении к переводам, наблюдения, которое поражает своею верностью и пользою. «Поверьте, например, итоги переводов, вышедших от семидесятих годов до нашего столетия, с итогами нашего тридцатилетия, и вы убедитесь, что наша литература переводная упала против прежнего. Тогда все, или почти все замечательные творения древности и современной эпохи имели у нас переводчиков: ныне знаменившие писатели нашего времени знакомы нам по одним журнальным перекличкам. При тогдаших пособиях и неудивительно,

что отец Фон-Визина, хотя и лишенный выгод образованного воспитания, любил чтение исторических и нравоучительных сочинений и мог удовольствовать свои наклонности. Старые книги наши уже не в ходу: с одной стороны, их нет в обращении книжной торговли, с другой, обветшалый язык их, тяжелый слог пугают новых читателей: таким образом провинциялы губернские и столичные, требующие пищи умственной, должны довольствоваться малосоченою и скороспелою пищею журналов и альманахов».

Совершенная правда. Журнальная литература наша и страсть гоняться за современностью, принимая сию последнюю в самом ограниченном смысле, убили у нас совершенно литературу классических переводов, без которой литература не имеет истинной, ученой основы и не может служить наставницею для сословия, по-Русски образованного. Журналы занимаются переводами для своих расчетов и из своих выгод. Журналисты по большей части смотрят на Европейскую литературу, как на товар: который больше и удобнее сбывается, тот и переводится, а удобнее сбывается тот, который моднее и угождает страстям, прихотям и вкусу праздного и невежественного большинства. Поэтому журнальная литература наводнялась всего более переводами пустых романов Франции. Ими образуется все наше читающее народонаселение. Редко случится встретить перевод дельной ученой книги. Самые же переводы делаются по большей части весьма дурно,искажают Русской язык, наполняют его галлицизмами, потому что переводчики спешат выручить деньги за работу, а о достоинствах переводов своих не думают. И зачем им думать? Имен своих под переводами они почти никогда не подписывают. Есть за все общая ответственность редактора журнала, но редакторы наших журналов так привыкли к ней, что она уже нисколько не страшит их. Конечно, лучше бы сделали они, если бы приглашали для переводов литераторов известных, или принуждали бы их подписывать под переводами свое имя. Должно думать, что тогда и достоинство переводов становилось бы лучше и лучше. Имя известного и хорошего переводчика в литературе может быть также именем заслуженным. Замечательно, что за исключением Г. Кроненберга в Современнике и Г. Пятерикова в Москвитянине, нет почти ни одного имени, которое бы между переводчиками журналов сделалось известным.

Что касается до переводов классических сочинений древности, об этом и говорить нечего! Пожелал бы кто прочесть Гомера в хорошей Русской прозе, Геродота, Фукидида, Плутарха, Ливия, Тацита, Саллюстия, Цицерона и других древних историков, ораторов, философов, переведенных хорошим Русским языком, достойным нашего современного литературного образования, – тот не имеет средства. Для прежних поколений существовали такие переводы, писанные слогом Ломоносовской школы. Но со временем Карамзина язык явился в других формах: должны бывали возобновиться и переводы, однако не возобновляются. Какая причина? Нет делателей? Ежегодно из всех Университетов Русских выходят молодые люди с хорошим знанием языков Латинского и Греческого, на которые столько времени употребляют теперь Гимназии и Университеты. Прекрасное было бы поприще для молодого филолога, по окончании университетского курса, совершить отличной перевод классического писателя древности. Но ни у кого нет к тому охоты? Кто заплатит за труд? кто наградит работавшего? Масса публики таких трудов не ценит. Он бы разошелся в малом количестве экземпляров, для некоторых любителей, но не окупился бы не только переводчику, даже издателю. Перевод Платона, так прекрасно начатый Кедровым, остановился на втором томе. Конечно, такие переводы должны были входить в библиотеки Университетов, гимназий, всех без исключения учебных заведений, городов, – и тогда они могли бы окупаться несколько, при пособии некоторого числа любителей. Сколько дела еще надобно делать в нашем отечестве, чтобы надлежащим образом, на прочных основах насадить и утвердить наше образование и удалить его от всего поверхностного и легкомысленного, что всего более вредит настоящему успеху нашей Русской жизни.

Совершенно справедлива другая мысль Автора относительно воспитания того поколения, к которому принадлежал Фон-Визин, поколения, воспитанного в царствование Елизаветы. «Тогдашнее воспитание, – говорит Автор, – при недостатках своих имело и свойственные ему выгоды: ребенок оставался более на Русских руках, более окружен был Русскою атмосферою, в которой знакомился ранее и более с языком и обычаями Русскими. Европейское воспитание, которое уже в возмужалом возрасте довершало воспитание домашнее, исправляло предрассудки, просвещало ум, не ис-

кореняло впечатлений первоначальных, которые были преимущественно отечественные. Укажем на одно свидетельство: большая часть переписки государственных людей царствования Екатерины Великой велась на Русском языке, несмотря на господство языка Французского и нравов иноплеменных... Более домоседства в жизни родителей, более приверженности к исправлению частных обязанностей и соблюдению обрядов Русского православия, может быть, менее суэтности, но в семейном кругу более живого участия в делах общественных и между тем более независимости в нравах, способствовали тогда к некоторому практическому гражданскому воспитанию: оно имело свои недостатки и весьма важные; но, как замечено выше, имело в себе что-то положительное, действовавшее в народном смысле. Ныне воспитание наше слишком отвлеченно и, пущенное в рост, ни на чем не упирается в коренном основании. Например, мы видим, что старик отец Фон-Визин заставлял сына читать у крестов во время всенощных бдений, которые часто отправлялись у них дома; позднее, детей другого поколения заставляли прежде всего вытврдить наизусть:

*La cigale ayant chanté  
Tout l'été...*

Почему же более православным, более народным было воспитание во времена Елизаветы, и почему более иностранным стало позднее? Потому что времена Елизаветы были ближе ко временам древней Руси, к которым теперь, в том, что они имели существенного и прекрасного, мы должны возвращаться уже вследствие разумного сознания. Со времен Екатерины началось уже другое. «После видим мы совершенно противное, — говорит Автор, — первые звуки, первые понятия, кои передавали детству другого поколения, были исключительно иностранные, потому что ребенок с груди кормилицы Русской обыкновенно вверяем был рукам чужеземцев. Уже только позднее в летах юношества, а часто и в возрасте, уже перезрелом для исправления погрешностей вкоренившихся, Русский гражданин, по собственному обратному влечению и как будто по уязвлению пробудившейся совести, обращался к изучению отечественного».

Отеч. Зап. и здесь нашли уместным противоречить Автору и сказали решительно: «С этим мнением мы не можем согласиться». И здесь увидим, как умеют они вникать в то, чему противоречат. Мнение Кн. Вяземского, выписанное Отеч. Записками, касается воспитания Фон-Визина, который родился в 1744 г., след. воспитан был во время Елизаветы Петровны, а в год вступления Императрицы Екатерины на престол служил уже в Коллегии. Отеч. Зап. в своем противоречии Кн. Вяземскому выражаются так: «Соединение русского духа и Европейской образованности – одна из труднейших задач нашего воспитания, и мы никак не думаем, чтобы к решению ее сколько-нибудь приблизились в царствование Императрицы Екатерины. Напротив, нас хотели воспитать совершенно на Европейский образец»... Да Кн. Вяземский говорит о воспитании времен Елизаветинских, когда воспитался и Фон-Визин, а безымянный критик Отеч. Запис. возражает ему временами Екатерины, о которых сам Кн. Вяземский говорит уже другое, начиная словами: «После видим мы совершенно противное», что мы привели выше и чему нисколько не противоречат Отеч. Записки. Да когда же Редактор их позаботится о том, чтобы его критики читали по крайней мере со вниманием те книги, которые они разбирают?<sup>2</sup>

Автор биографии в двух местах (28–29, 56–57 страниц.) возобновляет старинный спор об отношении Славянского языка к Русскому. Фон-Визин в своем Чистосердечном Признании сказал: «Как скоро я выучился читать, то отец мой у Крестов заставлял меня читать. Сему обязан я, если имею в Российском языке некоторое знание: ибо, читая церковные книги, ознакомился я с Славянским языком, без чего Российского языка и знать невозможно». Фон-Визин здесь выражает ту же самую мысль, какую выразил и Ломоносов теоретически в своем известном рассуждении: О пользе чтения церковных книг, практически же в том новом, литературном языке, который он создал. Автор биографии нападает на Фон-

---

<sup>2</sup> Еще по этому случаю О.З. объявили, что оне не понимают, каким образом посреди семейного круга может быть более или менее участия в делах общественных, т.е. другими словами, что не понимают оне, каким образом семейство может быть в большей или меньшей связи с общественною жизнию. Здесь, по крайней мере, О.З. искренни. Не поняли и сами в том сознались: это и скромно и прилично.

Визина за его мнение. Вот слова его: «Не соглашаюсь с автором, который приписывает упомянутым благочестивым упражнениям знание свое в Русском языке. Дьячки и семинаристы, которые верно более его читали священные книги, не почитаются же у нас знатоками в языке и правильнейшими грамотеями... Помощь Славянского языка была не только не полезна, но может быть и вредна Фон-Визину». В другом месте Биограф нападает на Мерзлякова за то, что он «восхищался в Ломоносове очаровательным соединением слов Славянских с Российскими».

Мне кажется, нападать на исторический факт, который предлагают Ломоносов и Фон-Визин касательно понятий своих об отношении Славянского языка к Русскому, значит напрасно желать, чтобы переделалось прошедшее по нашему воззрению. Не лучше ли б было взглянуть беспристрастнее и хладнокровнее на их время и на их действия? Из этого рассмотрения, кажется, можно скорее всего вывести им оправдание. В то самое время, когда Славянский и Русский языки готовы были стать во враждебное отношение друг к другу, и Русский язык подвергался всевозможным влияниям со стороны языков иностранных, – только гениальный Ломоносов своим великим народным смыслом мог постигнуть необходимость соединения тех стихий, которые готовы были рассориться, и потому заодно с Мерзляковым нельзя не восхищаться гениальным мастерством его в слиянии языков Славянского и Русского. «Соблещет молния мечу» – не мог бы сказать Ломоносов без пособия Славянского языка. «Никак смиритель стен Казанских?» – не сказал бы он без пособия Русского. Таких сближений вы найдете множество в Ломоносове.

В наше время уже невозможно сомневаться в том, что Русский язык основательно знать нельзя без Славянского, которого орфография, корнеслов и словарь до сих пор имеют неразрывную связь с Русским языком. Дьячки и семинаристы, которых разумеет биограф, едва ли читали священные книги: бормотать не значит еще читать. Те же из них, которые не бормотали, а разумно читали, все-таки скорее могут быть, хотя не знатоками, но правильнейшими у нас грамотеями, чем не читавшие. Разительнее дьячков и семинаристов можно бы было выставить еще пример наборщиков Синодальной типографии. Они конечно не в пример более читали священных книг, чем дьячки и семинаристы, но разве одним

механическим чтением приобретается знание? Припомним здесь кстати, что́ говорит Фон-Визин о том, как отец отучал его от механического бормотанья и обращал к разумному чтению. «Я должен благодарить родителя моего за то, что он весьма примечал мое чтение, и бывало, когда я стану читать бегло: перестань молоть, кричал он мне, или ты думаешь, что Богу приятно твое бормотанье. Сего недовольно: отец мой, примечая из читанного мною те места, коих, казалось ему, читая, я не разумел, принимал на себя труд изъяснять мне оные».

Великие сокровища, какие дал нам Славянский язык для выражения высших умственных и нравственных понятий, конечно заставят нас забыть о тех едва ли существующих невыгодах, которые приводит Автор, что будто бы поэт не решится теперь сказать в стихах «лоб, рот, губы» – едва ли уж и не решится, да и говорили, – а что есть сверх того еще возможность сказать «чело и уста», – так тем лучше для самого поэта. Чем более язык в историческом своем развитии собрал средств для выражения мыслей, – тем выгоднее для всех тех, которые имеют дело с языком народа.

Об университетском учении Фон-Визина Автор так выразился: «Дарования Фон-Визина образовались не только независимо от университета, но, может быть, и вопреки ему». Не слишком ли это сильно? Анекдоты, рассказанные Фон-Визиным о пуговицах на кафтане и камзоле Латинского учителя, соответствовавших пяти склонениям и четырем спряжениям Латинского языка, да еще о впадении Волги, показывают точно, что первоначальное состояние Университета в некоторых предметах было плохо. Но надо вспомнить также и страсть Фон-Визина к анекдотам подобного рода, и нельзя не привести слов, которыми выразил он свою благодарность Московскому Университету.

«Как бы то ни было, я должен с благодарностию воспоминать Университет: ибо в нем, обучаясь по Латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно Немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам».

Говоря об эпохе вольнодумства в жизни Фон-Визина, биограф сказал: «Если обратить внимание на раскаяние его в соблазне, который мог он нанести шутками, рассыпанными в Послании к слугам и в некоторых сценах Бригадира, то должно заметить,

что и в позднейшем творении его: Недоросль, роль Кутейкина могла бы также смутить православие несколько строгих читателей». Мне кажется, должно отличить Послание Фон-Визина от сцен в Бригадире, которые, преследуя ханжей, всего более вредных истинной вере, в соблазн никого привести не могут, и от роли Кутейкина, в котором выражена слабая сторона сословия, принадлежавшая тому времени.

Чувствуя недостаток сознания личностей в литературе Русской нового периода, Автор выразился так: «Признаюсь, большую часть так называемой изящной словесности нашей отдал бы я за несколько томов записок, за несколько Несторских летописей тех событий, нравов и лиц, коими пренебрегает история». О.З. здесь сильно придралась к Автору. Довольно простодушно принял на свой счет все намеки, которые рассеяны по книге, на неуважение иных современных журналов к прошедшему Русской литературы, оне хотели и Автора вовлечь с собою в то же обвинение и, указав на это место в заключение своего разбора, составили против него такой приговор: «Спрашивается, каково ж ценит сам автор эту изящную литературу, когда, по собственному его признанию, он отдал бы ее за несколько томов записок, которые даже не годятся для истории». Здесь О.З., лишь бы составить обвинение, не хотели обратить внимания на эпитет так называемой изящной словесности. Автор конечно не придал бы его той изящной словесности, которую сам же назвал изящным выражением народа, той словесности, которая создала и образовала наш язык, и столь многое участвовала в новом воспитании нашем. Только одна недобросовестность О.З., раздраженных на Автора за сильное слово правды, могла внушить им такое обвинение, само собою падающее перед духом всей книги о Фон-Визине. Должно еще прибавить, что если некоторыми событиями, нравами и лицами пренебрегает история, как выразился Кн. Вяземский, то еще из этого нисколько не следует, чтобы летописи, их содержащие, вовсе не годились для истории, как выражаются О.З.

Биографию Фон-Визина писал не холодной ученый, удаленный от света и современной жизни, но человек живой, связывающий мнения и убеждения свои с вопросами общественной жизни, и принимающий в литературе разумное участие. Потому, в сочинении Кн. Вяземского встречается много отголосков сильных, с

которыми можно соглашаться, но которые, как сознается каждый читатель, много жизни придают его сочинению. О.З. позволили себе, в порыве себялюбивой раздражительности, назвать все эти места «памфлетическими выходками, не выдерживающими строгой критики, и невыгодными отзывами» (о ком?), «часто ничем не доказанными и большею частью противоречащими друг другу».

Как, например, не сочувствовать тому, что Автор говорит об неуважении нашем к семейным преданиям? «Странно и приискорбно видеть, как мало дорожили и дорожат у нас поныне следами умственного бытия, с какою младенческою беспечностию предается у нас забвению и тлению все то, что должно бы со тщанием и набожным чувством быть хранимо в архивах семейных! Переписки, сии очевидные деяния, сии, так сказать, снимки с жизни, ее переживающие, всегда драгоценны или в домашнем, или в общественном отношении; еще драгоценнее, когда в обоих. Счастлив, кто в переписке предка находит пищу для семейного любопытства и поучительные примеры для своего гражданского поведения. Почему каждой фамилии не иметь бы частного архива своего? К чему это равнодушное самоотвержение личности, обрекающее лица и самые роды оставаться ничтожными частями целого, неприметными волнами, теряющимися в пучине, которая только в совокупности имеет право на образ, имя и место во внимании людей?». Если О.З. в настоящем смысле являются поборниками развития личности у нас, то должны б были в полной мере сочувствовать такому сильному слову в ее пользу. Но дело-то в том, что оне всегда пользовались нашим народным недостатком в отношении к ее неуважению, – нападали на нее в лице наших славных писателей, и скрывали ее в лице своих безымянных критиков.

Как, например, не сочувствовать глубоко следующему месту? – «У нас краеугольный камень, связь и ключ общества – карты. Оне, за зеленым сукном, уравнивают звания, возрасты, полы, глупость и ум, образованность и невежество, честность и корыстолюбие. Одно условие, одно отличие – курс игры, кто почем и кто во что играет: по этому сходятся и не расстаются. Батюшков говорил, что, для представления комедии в Русских нравах, должно поставить на сцене столько ломберных столов, сколько уместиться может. И заметьте еще, что собираются не игроки в собственном значении слова, не живописные Беверлеи. Тут не увидите вы

поэзии страсти, имеющей всегда, и в безобразии своем, драматическую сторону; нет, тут одна холодная, машинальная страсть, проза страсти во всей плоскости своей. Многие играют в карты как дремлющая старуха вяжет чулок или зевака плюет в колодезь – от нечего делать, с тою разницею, что наши игроки съезжаются и садятся за карты в свидетельство, что без карт им делать нечего».

«Запри ныне театры у нас, запрети драматические представления и сочинения, как пуритане запрещали их в Англии, и мера сия не будет общественным лишением; сие гонение не породит многих мучеников. Но уничтожь Александровскую мануфактуру карт, запрети все игры, запри в столице Английские клубы – и новые пещеры, новые Фиваиды насысятся добровольными изгнанниками».

В первой статье я уже говорил о превосходной шестой главе, в которой биограф решил тяжбу Фон-Визина с Французскими писателями XVIII в. в пользу сих последних. К чести многосторонности Русского ума, воспитанной нашою жизнию, надобно сказать, что у нас на всякое народное пристрастие и на всякой предрассудок найдется обличение также между Русскими. Нельзя не выписать этих прекрасных строк: «Немного таких истин несомнительных, немного таких правил непреложных, коих святость должна пребыть и тогда, когда противоречат им последствия частные, случайные и независимые от воли людей: но, посвятив себя на служение одной из сих истин, должно пребыть ей верным без изъятия, применяя к себе рыцарское восклицание Французских роялистов: *Vive le Roi quand même!* Польза просвещения есть одна из малого числа сих исключительных истин. Почитая его единственным прочным основанием благосостояния общего и частного, совестью правительств и лиц, простительно ли, например, пугаться малодушно некоторых прискорбных явлений, приписываемых просвещению, или, положим, и влекущихся за ним по неисповедимым законам Провидения, которое отказалось в совершенстве всему, что ни есть на земле?.. Писатель, который, по званию своему, обязан быть проповедником просвещения, а вместо того бывает доносчиком на него, подобен сатиру, который дует и теплом и холодом, или еще более врачу, который, призван будучи к больному, пугает его неверностию своей науки и раскрывает пред ним гибельные ошибки врачевания. Пусть каждый остается в духе своего звания. Довольно и без писателей найдется людей, которые готовы остерег-

гать от властолюбивых посяганий разума и даже клеветать на него при удобном случае».

В тяжбе Фон-Визина с писателями Французскими судьи-биограф мог бы привести однако, как *circonstances atténantes* в пользу первого, его наклонность подмечать во всех предметах более дурную сторону, и болезненное состояние тела, которое отзывалось и в духе его какою-то мрачною подозрительностию. Должно было однако для полноты очерка указать и на те слова Фон-Визина о Французах, которые делают честь его Русской наблюдательности и проистекли в нем из Русского взгляда на вещи. Приведем для примера несколько таких наблюдений.

«Первое право каждого Француза есть вольность; но истинное настоящее его состояние есть рабство, ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою; а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностию, то должен будет умереть с голоду. Словом: вольность есть пустое имя, и право сильного остается правом превыше всех законов». Это Фон-Визин сказал в 1778 г., ровно за 70 лет до нашего времени, и как разительно оправдалась истина слов его в наше время! Какую пророческую силу имел его Русский ум, верный началам жизни своего народа!

Вот другое слово Фон-Визина, столько же важное и верное. «Наилучшие законы не значат ничего, когда исчез в людских сердцах первый закон, первый между людьми союз – добная вера». Вот еще наконец третье слово Фон-Визина, столько же меткое.

«Рассматривая состояние французской нации, научился я различать вольность по праву от действительной вольности». Следовательно, иной народ может не иметь первой, а наслаждаться последнею, как говорит Фон-Визин.

Таких мыслей Фон-Визин не мог заимствовать из Дюкло; оне проистекали в нем из его Русского воззрения, связанного с жизнью и убеждениями его народа. А другие мысли общие, конечно, мог он заимствовать у Дюкло.

Есть много у Фон-Визина частных верных замечаний о французской вежливости, о французском легкомыслии, смешении разума с остротою, о французской гордости, об излишней привязанности к форме слова. Французы «не о том дело, что сказать, а о том, как сказать». Но порицая недостатки народа, которые еще

были сильнее перед революциею, Фон-Визин умел однако признавать и его тогдашние достоинства. Вспомним эти слова его: «Надлежит отдать справедливость, что при неизъяснимом развращении нравов есть во французах доброта сердечная». – «Внутреннее ощущение здешних господ, что они дают тон всей Европе, вселяет в них гордость, от которой защититься не могут всею добротою душ своих; ибо действительно в большей их части душевые расположения весьма похваляются».

В числе причин, по которым не богат матерьял для наших комедий, Автор полагает ту, что «воспитание почти у всех нас одинаковое». С этим едва ли можно согласиться. По крайней мере, что касается до воспитания поколений предшествовавших, то трудно найти во всякой другой стране большее разнообразие.

Не могу не остановить внимания читателей на одной оригинальной и верной мысли Автора о роли Стародума. «Ее можно разделить на две части, – говорит он, – в первой он решитель действия и развязки, если не содействием, то волею своею; в другой он лице вставное, нравоучение, подобие хора в древней трагедии. Тут Автор выразил несколько истин, изложил несколько мнений своих». Нельзя однако сказать, чтобы Стародум был лицем совершенно отвлеченным, если мы вникнем в его воспитание, жизнь и некоторые понятия, современные его поколению. К числу таких понятий принадлежит и понятие его о службе, хотя он на практике не совершенно остался ему верен.

Из подробностей, которые Фон-Визин сообщает о лицах своего Недоросля, в течение комического разговора, можно составить биографию некоторых, на что мало внимания обращали при разборах его комедий, увлекаясь более своими мыслями об них, нежели тем, что в них самих содержится. Отец Стародума служил Петру Великому и передал сыну своему понятия о службе, принадлежавшие его поколению. По этим понятиям: дворянину позволяет взять отставку в одном только случае, когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. Это понятие о службе основано было на высоком нравственном понятии о должности, о котором Стародум в другом месте так выражается. «Должность! Как это слово у всех на языке, и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не

мыслит, ничего не чувствует. Если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей осталось бы при своем любочестии, и было б совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестье не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить».

Это высокое понятие о службе отечеству ведет свое начало от Петра Великого, который, по счастливому выражению Ломоносова, царствуя служил. Он образовал около себя огромное поколение этих представителей службы, этих усердных служаков, неутомимо-деятельных, в числе которых находился и отец Стародума. В этой мысли есть отголосок Петровских времен – и Автор биографии напрасно подвергает эту мысль Стародуму оценке, свойственной другим поколениям. Сам Стародум сознает эту мысль только в прекрасной теории, а на деле он от нее отступил, потому что был обойден несправедливо чином и, последовав движению раздраженного честолюбия, вышел в отставку.

Есть мысль у Биографа, которую он приводит вскользь, говоря о двух сценах из двух комедий Фон-Визина, а именно, что «исправление Русского воспитания было постоянной целью автора, почти во всех произведениях его». Это мысль совершенно верная, но жаль, что она приведена мимоходом, и что биограф не проследил ее в самих произведениях Фон-Визина. Деятельность каждого из славных писателей наших можно подвести под одну главную мысль – и мыслию Фон-Визина точно будет воспитание, которое он устами Стародума назвал «залогом благосостояния государства».

Сочинение Кн. Вяземского так обильно свежими мыслями, плодом многолетних дум и изучения, что можно бы было еще продлить этот разбор, обращая внимание читателей на то, что есть в них примечательного. Мы привели главное, что всего более нас поразило. Не часто придется нам разбирать такие книги, которые, имея предметом литературу, связывают ее с существенными вопросами нашей общественной жизни и образования.

## КОММЕНТАРИИ<sup>3</sup>

Впервые: Москвитянин. 1848. Ч. 3. № 5. С. 40–52; Ч. 4. № 7. С. 1–22. Подпись: С. Шевырёв.

Статья посвящена книге князя П.А. Вяземского «Фон-Визин» (СПб., 1848), которая является первой научной биографией классика русской литературы XVIII в. Поэтика комического рассматривается в сравнительном анализе комедий «Бригадир» и «Недоросль». Европейский контекст привлекается в связи с проблемами, типологически сопоставляемыми с опытом Мольера («Тартюф» и др.).

*«Одиссея» в мраморных стихах Жуковского.* – Имеется в виду ставший классическим перевод В.А. Жуковского на русский язык «Одиссеи» (1849, с немецкого подстрочника).

*…отрывкам, напечатанным в «Утренней Заре».* – П.А. Вяземский. Биографические и литературные заметки о Фонвизине и его времени. Глава XIX // Утренняя заря. Альманах на 1841 год, издаваемый В. Владиславлевым. СПб., 1841.

*…указав на пользу книг церковных в Российском языке.* – М.В. Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. Впервые опубликовано в книге Ломоносова «Собрание разных сочинений в стихах и прозе». СПб., 1803.

*Карамзин воспел Барда Невы, стихами.* – Н.М. Карамзин, воспев «хвалу своему другу» в письме Дмитриеву из Москвы от 17 ноября 1788 г., причислил его к «бардам великим», которые «дух свой влили в нового барда Невы» (Курилов А.С. Поззия Карамзина… // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 18).

*Крылов помнил, что Дмитриев вызвал его на поприще баснописца.* – Беседуя с Дмитриевым, Крылов обмолвился, что, восхищенный переводами уважаемого Ивана Ивановича, он также пытался осилить Лафонтена и между делом, перевел две или три басенки. Дмитриев заинтересовался, особенно потому, что Крылов назвал басни, переведенные самим Дмитриевым. Ознакомившись с переводами Крылова, Дмитриев пришел в искренний восторг:

---

<sup>3</sup> Комментарии подготовлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18–012–00150: Шевырёв С.П. Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 томах. Т. 2–4.

басни, по его мнению, были хороши. «Вы нашли себя, – убеждал он Ивана Андреевича. – Это истинный ваш род. Продолжайте. Остановитесь на этом литературном жанре». Дмитриев тут же отправил переводы в журнал «Московский Зритель», и басни были напечатаны в начале 1806 г. (Сергеев И.В. Иван Андреевич Крылов. М., 1945. С. 20).

*Батюшков ~ в двух своих опытах о Ломоносове и Кантемиру.* – К.Н. Батюшков. О характере Ломоносова. Написано во второй половине 1815 г. Впервые напечатано: Вестник Европы. 1816. Ч. XXXIX. № 17–18. Восторженное отношение Батюшкова к Ломоносову сформировалось в карамзинско-муравьевском кругу и имело черты просветительского патриотизма. В письме Н.И. Гнедичу от 7 ноября 1811 г. Батюшков называет в числе актуальных задач литературы «изображение Шишкова, начертание жизни Ломоносова». Для Батюшкова Ломоносов – прямое следствие петровских преобразований. «Вечер у Кантемира» был написан Батюшковым в 1816 г., а напечатан в прозаическом томе «Опытов...», появившемся в 1817 г. Батюшков считал «Вечер у Кантемира» своей творческой удачей.

*Посланий к Ж. и В.* – К.Н. Батюшков. Мои пенаты. Послание Жуковскому и Вяземскому («Отечески пенаты...») // Пантеон русской поэзии. Ч. 1. СПб., 1814. С. 55–69.

*Жуковский в своем послании Дмитриеву.* – В.А. Жуковский. К Ив.Ив. Дмитриеву // Северные цветы на 1832 год. С. 11–13, под заглавием «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву». Жуковский отвечает на послание Дмитриева «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы».

*Пушкин в послании к Жуковскому.* – А.С. Пушкин. К Жуковскому (1816, при жизни Пушкина не печаталось).

*Державин и Петров героям песнь бряцали.* – А.С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе (1814).

*Памяти Карамзина посвятил он ~ «Бориса Годунова».* – «Драгоценной для России памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».

*В предпринятии соорудить памятник Крылову.* – В 1848 г. на памятник Крылову была объявлена подписка, проводившаяся

с высочайшего соизволения по всей России. В ходе ее было собрано более 30 тысяч рублей. Одновременно Академией художеств был объявлен конкурс, в котором приняли участие ведущие скульпторы того времени. В конкурсе одержал победу проект известного скульптора барона фон Клодта. Памятник Крылову в Летнем саду Петербурга был установлен в 1855 г.

...биографиями Озерова и Дмитриева. – П.А. Вяземский. О жизни и сочинениях В.А. Озерова (предисл. к соч. Озерова. СПб., 1817); П.А. Вяземский. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева (предисл. к соч. Дмитриева. СПб., 1823).

*Вольтер ~ Шувалов играет роль посредника.* – Письма Вольтера к И.И. Шувалову заполнены просьбами о присылке ему из России материалов, необходимых для выполнения заказа русской императрицы, а также инструкций относительно того, как должны быть освещены в его «Истории Российской империи при Петре Великом» (1756–1763) те или иные моменты биографии Петра I.

*Агент Шувалова, Салтыков.* – Салтыков Борис Михайлович (1723–1808), русский литератор из рода Салтыковых, брат Александра Михайловича. Учился в сухопутном шляхетном корпусе, служил агентом И.И. Шувалова в Женеве для сношений с Вольтером; его письма к Шувалову – депеши о действиях Вольтера.

*Дидерот гостил у нас.* – 6 (19) июля 1762 г., на девятый день царствования, Екатерина взялась за перо, чтобы предложить Дидро перенести издание его «Энциклопедии» из Франции, где этот фундаментальный труд подвергался клерикальным нападкам и цензурным запрещениям, в Россию. Вольтер из своего фернейского далека не преминул прокомментировать предложение русской государыни: «В какое время мы живем: Франция преследует философов, а скифы им покровительствуют!» В 1765 г. Екатерине представилась возможность привязать к себе Дидро узами благодарности. Издатель «Энциклопедии», оказавшись на мели, публично известил о намерении продать свою обширную библиотеку. Екатерина не только сразу уплатила запрошеннную сумму (15 тысяч франков), но и оставила книги в полном распоряжении их бывшего владельца. Указом императрицы Дидро был назначен пожизненным хранителем собственной библиотеки с ежегодным содержанием в тысячу франков; жалованье было выдано за 50 лет

вперед. Отныне поездка в Россию стала для Дидро делом чести: «Если я не съезжу туда, то не смогу оправдаться ни перед ней, ни перед самим собой». Однако заботы по изданию «Энциклопедии» еще целых восемь лет удерживали его в Париже. В 1772 г. вышел последний том «Энциклопедии». Труд всей жизни был завершен, и Дидро начал готовиться к отъезду в Петербург – своему первому и единственному заграничному путешествию. 28 сентября (11 октября) 1773 г. Дидро проехал петербургскую заставу и поселился в доме братьев Алексея и Сергея Нарышкиных.

...не столь довольные нами, как например Альфиери. – Граф Витторио Альфиери (итал. *Vittorio Alfieri*; 1749–1803) – итальянский поэт и драматург-классицист, «отец итальянской трагедии». Вплоть до 1844 г. постановок и переводов трагедий Альфиери в России не было. Причины тут двоякие: во-первых, вряд ли тираноборческие его трагедии могли бы быть разрешены в России тех лет по цензурным соображениям. Во-вторых, вряд ли русская трагическая сцена, воспитанная на трагедии французского толка, могла заинтересоваться всерьез жесткой системой Альфиери.

...собственной автобиографии. – Д.И. Фонвизин. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях (1791).

...беседы Фонвизина с Тепловым. – Григорий Николаевич Теплов (1717–1779) – русский философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и государственный деятель. Сенатор, ближайший сподвижник Екатерины Великой. Действительный член Академии наук и художеств, почетный член Императорской Академии наук и художеств (с 1747), фактический руководитель Академии с 1746 по 1762 г. Создатель устава Московского университета. Г.Н. Теплов, автор книги «Наставления нравственной философии, или знания до философии касающиеся», посоветовал Фонвизину прочитать сочинение английского писателя Самуэля Кларка: «Доказательства бытия Божия и истины христианской веры». Книга так понравилась Фонвизину, что он решил перевести ее на русский язык и «издав в свет сделать некоторую услугу соотечичам». Теплов, которому сообщил о своем намерении Фонвизин, заметил, что издание полного перевода может встретить затруднения, и посоветовал сделать лишь извлечение из книги Кларка.

*Фонвизин служит при графе Н.И. Панине.* – Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) – русский дипломат и государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины II. Конституция Панина – Фонвизина – проект конституции, разработанный графом Паниным и его секретарем Фонвизиным.

*…переписку с Бибиковым.* – В РГАЛИ в собрании бумаг Фонвизина хранится папка с письмами генерала Александра Ильича Бибикова (1729–1774), который в декабре 1773 – апреле 1774 г. предводительствовал войсками, посланными на подавление Пугачевского восстания. В конце 1820-х годов эти письма вместе с другими материалами архива Фонвизина оказались в руках П.А. Вяземского.

Каспар Сальдерн (1711–1788) – русский дипломат, действительный тайный советник.

Стакельберг – Штакельберг Оттон Магнус, фон (1736–1800) – барон, потом граф, действительный камергер, дипломат.

Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817) – русский государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей.

Степан Степанович Зиновьев (1772–1794) – русский дипломат, работавший в Испании более 20 лет, способствовал успешному развитию отношений между двумя странами в последней четверти XVIII в.

*…с графом Остерманом в Стокгольме.* – Граф Иван Андреевич Остерман (1725–1811) – русский дипломат, занимавший с 1775 г. пост вице-канцлера. На дипломатической службе в Париже Остерман находился до 1760 г. и преуспел на этом поприще, ибо тогда же был назначен посланником в Стокгольм.

*…с Обресковым в Царьграде.* – Известны шесть писем к Алексею Михайловичу Обрескову: четыре от 1772-го, одно от 1773-го и одно от 1774 г. Все это время Обресков был занят переговорами с представителями Турции о заключении мира и прекращении войны. Представителями России были Г.Г. Орлов и А.М. Обресков. «Самодурные» поступки всесильного фаворита привели к срыву планов Н.И. Панина немедленного заключения мира. Только внезапный отъезд Орлова в столицу (в связи с полученным известием, что его место во дворце занял новый фаворит

Васильчиков) помог Обрескову вновь вернуться к переговорам, которые открылись в октябре 1772 г. в Бухаресте. Полномочным представителем России на этот раз был А.М. Обресков. Но и в Бухаресте заключить мирный договор не удалось. Переговоры были завершены только в 1774 г. Фонвизин подробно сообщает Обрескову, доверенному лицу Н.И. Панина, о всех важных для него придворных событиях.

*Яков Иванович Булгаков* (1743–1809) – русский дипломат, деятельность которого накануне и в годы Второй турецкой войны Екатерины II немало способствовала приобретению Россией Крыма. Вместе с Фонвизиным учился в гимназии Московского университета.

*Марков.* – В книге С.М. Брилианта «Фон-Визин» (СПб., 1892) говорится, что Фонвизин содействовал оправданию офицера Маркова и победе над несправедливым гневом главнокомандующего в Варшаве.

*Княгиня Дацкова* – княгиня Екатерина Романовна Дацкова (1743–1810), урожденная Воронцова. Подруга и сподвижница Екатерины Великой, сыгравшая значительную роль в государственном перевороте 1762 г., приведшем на престол Екатерину II; первая женщина неимператорского происхождения, занявшая высокие государственные посты – директора Санкт-Петербургской Академии наук и председателя Российской Академии.

*Гнев Потемкина на Фон-Визина.* – Биографы указывают на некую остроту, пущенную неосмотрительным насмешником в адрес Потемкина и вызвавшую гнев всесильного фаворита (в «Словаре достопамятных людей русской земли» Д.Н. Бантыш-Каменского по этому поводу сказано, что «одно замысловатое слово, сказанное им насчет князя Потемкина, восстановило против Фон-Визина этого вельможу. Остряк наш принужден был воспользоваться болезнью жены своей и получил увольнение в чужие края»).

*Троекратное пребывание его за границею.* – Первое большое путешествие за границы Российской Империи Денис Иванович предпринял во Францию в сентябре 1777 – ноябре 1778 г., когда потребовалось лечение для его жены, Екатерины Ивановны на водах в Монпелье. Целью второй поездки чета Фонвизиных весной 1784 г. была Италия, продолжавшаяся до 1785 г., когда Фонвизин

совершил поездку по Австрии, Германии. В июне 1786 г. – путешествие в Австрию.

*Дом Мятлевых* (реже – дом Мятлева) – памятник архитектуры, дворянский особняк городского типа, возведенный в 1760-е годы. Расположен в Петербурге по адресу Исаакиевская площадь, 9. Его посещали видные поэты и писатели, в том числе Д.И. Фонвизин, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский.

Яков Борисович *Княжнин* (1740–1791) – драматург русского классицизма. В 1780-е и 1790-е годы княжнинские пьесы, как оригинальные, так и переводные, составляли основу репертуара русских театров. Его произведения проникнуты пафосом патриотизма. Вяземский в своей книге рассматривает тему «Фонвизин и Княжнин».

Александр Петрович *Сумароков* (1717–1777) – русский поэт, драматург и литературный критик. Сумароков был знаком с Фонвизиным по крайней мере с 1763 г. (см. письмо Фонвизина к сестре от 13 декабря 1763 г.).

«*Собеседник* любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей» – ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге с июня 1783 по сентябрь 1784 г. «Собеседник» издавался Академией наук по инициативе и при ближайшем участии императрицы Екатерины II. Фактическим редактором являлась княгиня Е.Р. Дашкова. Ближайшее участие в издании принимали И.Ф. Богданович, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин.

*Саардам* – город в Голландии. В 1697 г. здесь жил и учился корабельному мастерству Петр I.

...отрывок из Записок И.И. Дмитриева. – Первое издание этих Записок вышло в 1866 г.: Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева: [Ч. 1–3]. – М., 1866.

...известие о предсмертном вечере ~ у Державина. – «Грустно было первое впечатление при встрече с сею едва движущеюся развалиной», – говорит в своих записках И.И. Дмитриев, которого Державин познакомил с Фонвизиным. Это был как раз предсмертный вечер последнего. Параличом разбитый язык его произносил слова с усилием, но речь его была жива и увлекательна. Он забавно рассказывал о каком-то уездном почтмейстере,

который выдавал себя за усердного литератора и поклонника Ломоносова. На вопрос же, которая из од поэта ему больше нравится, отвечал почтмейстер простодушно: “Ни одной не случилось читать”. Очень интересовался Фонвизин тем, знаком ли Дмитриев с “Недорослем”, “Посланием”, “Лисицей-Казнодеем” и так далее. “Наконец спросил меня, что я думаю и о чужом сочинении – о “Душеньке” Богдановича. “Оно из лучших произведений нашей поэзии”, – отвечал я. “Прелестна”, – подтвердил он с выразительной улыбкой. Он привез в тот вечер свою новую комедию (“Выбор губернера”), и по знаку его один из вожатых прочел комедию. В продолжение чтения автор глазами, киванием головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились» (Огарков В.В. Денис Фонвизин. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., [б. г.]. С. 23).

Жак-Анри Бернарден де Сен-Пьер (фр. *Jacques-Henri Bernardin de Saint-Pierre*, 1737–1814) – французский писатель, путешественник и мыслитель, автор повести «Поль и Виргиния» (1788). В Петербург Бернарден прибыл в сентябре 1762 г., вскоре после восшествия на престол Екатерины II. Прибыл никем не званный, без денег и рекомендаций, на одном корабле с труппой комедиантов. Вернулся в Париж он в 1771 г.

*«Русское общество еще вполне не выразилось литературою».* – Цитируется анонимная рецензия на книгу Вяземского о Фонвизине, напечатанная в «Отечественных Записках» (1848. № 6. Критика. С. 1–12).

*...в его некрологе о его заблуждениях.* – В этом же номере «Отечественных Записок» напечатан некролог В.Г. Белинского.

*...преложения из Иова и псальмов.* – Религиозное, православное сознание М.В. Ломоносова было выражено им в его цикле «Од духовных», в центре которых – «Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41». Поэтическое толкование книги Иова, одной из самых притягательных, трагических и философских книг Ветхого Завета, начиналось в русской поэзии как раз этой ломоносовской одой. В 1743 г. разгорелся спор Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского о том, какому размеру быть главным в русской поэзии. Ломоносов и Сумароков утверждали, что для «высокой поэзии» более подходит ямб, Тредиаковский – хорей (трехсложные размеры употреблялись в ту эпоху очень редко). Спор должно

было решить состязание: всем троим надо было написать по стихотворению на одну тему, использовав «свой» размер. Тему предложили избрать Ломоносову, и он предпочел предложение псалма 143-го (в еврейской и немецкой Библии – 144-го). Все три приложения были изданы в 1744 г. в книге «Три оды парадрастические псалма 143». Победителем единодушно был признан Ломоносов.

…два размышления о Божием величестве. – Величие природы Ломоносов видит с двух позиций: как философ-богослов и как ученый-естественник. Под таким углом зрения написаны его «Утреннее размышление о Божием величестве» (1751) и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743).

Духовные оды Державина – «Бог» (1784), «Бессмертие души» (1785, 1797), «Властителям и судиям» (1780).

Отец Фон-Визина – Иван Андреевич Фонвизин (1705–1792) – статский советник (с 1783). В 1766 г. – надворный советник, член Государственной ревизионной коллегии. Происходил из лифляндского рыцарского рода Фонвизиных, выехавшего в Москву в XVI в. и со временем полностью обрусевшего. Фонвизины выдвинулись на военной службе при Петре I. И сам Иван Андреевич Фонвизин был человеком петровской закалки, энергичным. Он начал военную службу во время русско-шведской войны, любил чтение, книги, и с ранних лет пристрастил к ним своих детей, которые все оказались в той или иной степени связанными с литературой, особенно его сын – Денис Иванович Фонвизин, который первоначальное свое образование получил именно под руководством отца (позже многие черты отца Денис Иванович отобразит в своем любимом герое «Стародуме» в произведении «Недоросль»).

Андрей Иванович Кронберг (1814–1855) – русский переводчик, критик, шахматист. Почти все переводы, помещавшиеся в «Современнике» 1847–1852, принадлежат ему, но его известность была основана исключительно на переводах Шекспира: «Гамлет» (Харьков, 1844), «Макбет» («Петербургский сборник» 1847 и отд. М., 1862), «Много шуму из ничего» («Современник», 1847) и «Двенадцатая ночь, или что угодно» («ОЗ», 1841).

Пятериков – переводчик в «Москвитянине».

Перевод Платона ~ начатый Кедровым. – Первый полный перевод Платона (23 диалога из 36) впервые появляется на рус-

ском в 1780 г.: «Творения велемудрого Платона, переведенные священником Иоанном Сидоровским и коллежским регистратором Матфием Пахомовым, находящимся при Обществе благородных девиц». (СПб.: при Имп. Акад. Наук. Ч. 1–3. 1780–1785). В 1778 г. Кинкель в Германии начинает свое издание переводов, но закончилось оно только в 1793 г. Переводы Шлейермахера и Кузена появляются несколько позже.

...вытврдить наизусть: *La cigale*. – Лафонтен. Цикада и муравей. – И.А. Крылов. Стрекоза и муравей («Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела...»).

...безымянный критик «Отеч. Запис.». – Имеется в виду упомянутая выше статья (Отечественные Записки. 1848. № 6. Критика. С. 1–12).

Мерзляков «восхищался в Ломоносове очаровательным соединением слов славянских с российскими». – Мерзляков Алексей Федорович. Рассуждение о Российской словесности в нынешнем ее состоянии // Труды общества любителей российской словесности. Ч. I. М., 1812. С. 53–110.

*Синодальная типография* – основана на Никольской улице в 1727 г. на базе Московского печатного двора и долгое время была крупнейшей типографией Москвы. Здание построено в 1811–1815 гг. по проекту архитекторов Ивана Мироновского и Алексея Бакрева на месте снесенного за ветхостью корпуса Печатного двора. Также комплекс Синодальной типографии включает более старые корпуса, сохранившиеся от прежнего Печатного двора: Правильную и Книгохранильную палаты (1679, архитекторы: Степан Дмитриев, Иван Артемьев) и боковые корпуса (середина XVIII в., архитекторы: Дмитрий Ухтомский, Иван Мичурин), но они находятся во внутреннем дворе и недоступны рядовому наблюдателю.

«Послание к слугам». – Д.И. Фонвизин. Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке («Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?..») (1769).

Батюшков говорил, что для представления комедии в русских нравах, должно поставить на сцене столько ломберных столиков... – не установлено.

Беверлей – игрок, действующее лицо драмы: Сорен Б. Беверлей, мещанская трагедия / с французского языка перевел г. Дмит-

риевский. 2-е изд. М.: В Тип. Компании типографической, 1787. Переделка трагедии Э. Мура «Игрок» (1753).

*…как пуритане запретили их /театры/ в Англии.* – Эпоха театра английского Возрождения закончилась в 1642 г., когда пуритане закрыли все театры. Через 20 лет, в эпоху Реставрации, они начали возрождаться.

*Александровская мануфактура карт.* – Императорская карточная фабрика при Александровской мануфактуре находилась в селе Александровском на левом берегу Невы вдоль Шлиссельбургского тракта (ныне проспект Обуховской обороны). Инициатором открытия стал управляющий мануфактурой А.Я. Вильсон. Фабрику подарил Воспитательному дому император Павел I. По его указу от 24 марта 1798 г. именно она стала обладать правом клеймения и продажи игральных карт, на территории Российской империи.

*Фиваида* – старинное название области в Верхнем Египте; термин происходит от греческого названия его столицы Фив. В правление Птолемеев Фиваида образовала отдельный административный район, центром которого были Фивы. Название фигурирует в сказаниях о первых христианских отшельниках.

*Это Фон-Визин сказал в 1778 году.* – Из писем Фонвизина, которые он писал во время путешествия во Францию (сентябрь 1777 – ноябрь 1778 г.) своему другу Петру Ивановичу Панину, генералу в отставке. Письма носили не частный, а литературный характер. Собираясь в 1788 г. издать собрание своих сочинений, Фонвизин включил в него и письма из Франции под заглавием «Записки первого путешествия». Собрание сочинений было за-прещено Екатериной, и «Записки» в целом виде не увидели света. Вскоре они стали распространяться в списках.

*…царствуя служил.* – Михаил Ломоносов. Надпись 1 к статье Петра Великого (1751):

Се образ извян премудрого героя,  
Что, ради подданных лишив себя покоя,  
Последний принял чин и царствуя служил.

*Подготовка текста М.А. Бирюковой,  
комментарии А.Н. Николюкина*